

ПЛАТЬЕ

для сильной личности

Мода слишком изменчива, чтобы принимать ее диктат всерьез. Так считает питерский модельер Татьяна ПАРФЕНОВА.

ВИТА БУРЯКИ

На следующий день после того, как Татьяне Парфеновой присудили на Неделе Высокой моды в Москве приз «Золотой манекен», в ее салоне на Невском остались лишь пустые вешалки — соотечественники смели вещи с кронштейнов.

— Вы часто говорите, что для того, чтобы носить вашу одежду, надо быть сильной личностью. Вы считаете это комплиментом возможному покупателю? Или, наоборот, это его унижает? Скажем, человек приходит и говорит: «Мне это не подходит, значит, я, наверное, не сильная личность», и уходит в слезах.

— Практически каждый человек — сильная личность, только проявляется это по-разному. Кто-то углубился в бесконечные шопинги и достиг в них совершенства, кто-то запускает ракеты, дело не в этом. Одежда может скрывать внутреннюю сущность, а может позволить развернуться. Я считаю, что простые, чистые линии позволяют действовать независимо от костюма, а значит, дают силу и свободу.

— Не секрет, что наши дизайнеры тщательно следят за тем, что происходит на мировых подиумах, покупают журналы и стараются не отстать. Правда, поскольку они покупают их достаточно поздно, то всегда делают то, что было показано год назад. Они стараются соответствовать тому сезону, в котором это носят. Создают впечатление, что вас вообще не волнует, куда движется мода, какие используют линии, формы — на вас это не отражается. Это правда?

— Почему? Бывают моменты, когда я даже очень здорово не только попадаю, а даже, можно сказать, играю в «зеленый банан»: у меня многие вещи могут зреть, ждать своего часа. Я просто придумываю разные истории, которые мне нравятся. Иногда они попадают «в струю», иногда нет. Какая разница? Главное, чтобы это было гармонично и, да простится мне это слово, красиво. Потому что я уверена, что моду нужно делать красивой.

— Есть разница в подходе мужчины и женщины к моделированию одежды?

— Есть, конечно, и очень принципиальная. Я могу назвать имя, которое для меня важно: Эльза Скьяпарелли. Может быть, в вещах, которые она делала много лет назад, сегодня нет ничего особенного, но если мысленно перенестись в то время, когда они были созданы, и почувствовать абсолютную свободу, которая у нее была как у человека, то я, например, испытываю восторг. Она свободная женщина, у нее комплекса нет. Для меня она — альтернатива Шанель: когда дорогое делают дешевым и возводят это в культ (Шанель, как известно, поступала наоборот). Она страшно веселая, в своей кажущейся одинаковости очень яркая, абсолютно не послушная.

А мужчины — они хорошие, но как-то все по параллельной колее движется. Поскольку мода задает женщину в большей степени, чем мужчину, то мужчины, которые работают в моде, бьют исключительно по женской сексуальности и по женскому внутреннему миру. Очень многие модельеры, достаточно холодно относящиеся к женщине, делают из нее недоступную красавицу, при этом подчеркнута, почти карикатурно сексуальную. Например, Мюллер. Я считаю, что это просто варварство.

— Или своего рода мстят?

— В их случае можно мстить только своему происхождению, рождению.

— Понятно, что человечество до

сих пор живет в мужском мире. Когда женщине надо произвести впечатление на мужчину, она одевается сексуально. Для того чтобы произвести впечатление человека делового и способного мыслить и работать — она одевается фактически в мужской костюм. Как вы к этому относитесь, насколько это правильно и отвечает женской сути и женской потребности?

— Если говорить о том, что бизнес — это игра, и женщины в бизнесе делают первые шаги, то, безусловно, они играют мужскими игрушками. Было бы печально, если бы мужчины, например, надели сексуальные платья. Им бы просто было нечего выставить! Они для них не созданы. Знаете, я сразу вспоминаю готику, когда все закрыто.

— Или современный Восток.

— На самом деле по-настоящему сексуальная мысль — а что под этим закрытым платьем? И то, что человек противоположного пола себе додумает, зависит от женщины, от ее поведения. Не играет роли — будет на ней яркое красное платье с выставленной грудью, затянутой талией или абсолютно мужской серый костюм. Все будет так, как она захочет. На самом деле надо придавать одежде такое большое значение. Одежда придает большое значение люди, которые не слишком уверены в себе. Но из-за того, что мы все друг на друга реагируем, нам приходится соблюдать эти дурацкие законы.

— Чем вы объясняете пристрастие женщин конца XX века к черному цвету?

— Стремлением к объединению, к свободе, к равноправию.

— Цвет может уравнивать в правах женщину и мужчину?

— Вообще людей, конечно.

Можно, например, надеть комбинезоны китайского социализма — и все сразу станут одинаковыми. Средства массовой информации, богема оказывают очень большое влияние на массовое потребление вещей — все хотят подражать кумирам. Я не вижу ничего плохого ни в джинсовой одежде, ни в черном цвете. Это лишь стремление к демократическому объединению. Можно себе представить в черном и эстета, и агрессивного, накачанного, какого-нибудь безмозглого придурка... Но при общей гамме они все равно будут разными: один будет дружинник, другой мягко перетекать, у одного будет безразличный взгляд, а у другого — не поймать, во все стороны. У одного будет сбрую чуть-чуть оттопыриваться пиджак.

— Вы не скрываете, что подавляющее большинство ваших покупателей — это иностранцы. Вас это волнует, радует, утешает, вдохновляет?

— По большому счету уже все равно. Потому что та ступень уже пройдена и облегчение наступило, появилось безразличие, и скорее важно, чтобы покупатели вообще. Мне кажется, очень важно сейчас дать правильную серийную линию и построить дело так, чтобы и экспорт, и внутренняя прода-

жа были одинаковыми и полноценными. Для того чтобы на внутренний рынок совершенно без всякого сомнения выдавать то, что можно выдавать на экспорт.

— Как вы считаете, иностранцы покупают ваши вещи из-за того, что это сувенир из России, или по каким-то другим причинам? И если по другим причинам, то, возможно, если бы вы работали на Западе, что вполне для вас реально, вам было бы значительно легче, чем пребывать в этом нищем и совершенно облезлом городе?

— Может быть, он нищий, я не уверена в том, что он облезлый, но он очень красивый. Он потрясающе гармоничный во всем, даже в тех людях, которые его населяют, в их настроениях. Бог с ним, с городом, что на него так уж сильно напирать: о нем так много сказано, так много написано, что уже лучше не скажешь. Он — существо, которое было рождено для другой жизни. Он, как обедневшая аристократка, вынужден мыть чужие полы, стирать чужое белье. Но при этом он сохраняет некоторые признаки аристократизма. Поэтому он горд с амбициями, поэтому в нем очень много всего рождается, поэтому у него очень сильная внутренняя культура, поэтому в нем рождаются музыкальные необыкновенные истории. И я его люблю.

— Вы довольны жизнью?

— Да, моя жизнь достаточно интересна. Не то чтобы я собой довольна как художник, нет. Я живу не спеша, день у меня наполнен событиями — с утра до позднего вечера. Для того чтобы что-то

ФОРМУЛА УСПЕХА ТАТЬЯНЫ ПАРФЕНОВОЙ

«Я, например, никогда не думаю о том, что здесь нет денег. Никогда. Потому что есть деньги, нет денег — меня это абсолютно не касается. Я просто должна знать точно, что должна заработать столько-то, потому что мне надо сделать то-то. Это моя задача».

сделать, мне необязательно куда-то ехать, потому что я очень часто получаю информацию совершенно на другом уровне. Конечно, много ждет тебя всяких праздных капканов и неприятных впечатлений, и нужно сделать так, чтобы твоя жизнь и то, что ты делаешь, были максимально обособлены от всего негативного. Я, например, никогда не думаю о том, что здесь нет денег. Никогда. Потому что есть деньги, нет денег — меня это абсолютно не касается. Я просто должна знать точно, что должна заработать столько-то, потому что мне надо сделать то-то. Это моя задача. Все равно я не могу перескочить те ступени, которые я должна пройти. Если, например, суждено сделать это дело за счет того, что надо работать каждый

день и много, значит, я буду работать каждый день и много, и все будут работать каждый день. Столько, сколько нужно. Поэтому нам гораздо проще. У нас с самого начала никогда не было ожидания, что на нас что-то свалится. Иначе не выстроишь дела.

— Вы часто плачете? И что вас может заставить плакать?

— Вообще много всего. Я чувствую в последнее время, что у меня расплывались нервы, и очень большое влияние на меня оказывают голубые экраны наших телевизоров, уже совершенно просто довели. Мне очень жаль людей. Но я стараюсь сосредоточиться на прекрасном, на интересном. Если у меня просто дрянная дрянная настроенность, я могу выгащить книгу, сесть, и как лошадь на мельнице, — шоры — и пошел. Я не хочу жить плохо. Я не хочу страдать. Мне достаточно тех эмоций, которые есть внутри меня, в моих воспоминаниях. Я все вижу, от этого я становлюсь сильной. И если говорить о том, кого я могу пожалеть, то я хочу иметь возможность не просто высказать кому-то соболезнования, а реально помочь. Для этого я должна быть сильным человеком — и морально, и физически, и материально.

Чтобы посочувствовать бабушке, которая собирает на хлеб, я должна иметь возможность дать ей.

— Кто будет работать на вашей фабрике? Принято считать, что за годы бездействия нашей легкой промышленности профессионалы, которые что-то умеют, уже пристроены, а остальные просто потеряли квалификацию и новые не появляются, потому что некому их учить. Это правда?

— Я не сталкиваюсь с таким. Приходит человек, в течение месяца понятно — шьет он или не шьет. Но иногда видно, что его желание шить и именно здесь работать преобладает над его сегодняшним умением. И ничего страшного! Научится. Сразу видно — будет шить или не будет шить. Видно даже по первому появлению. Это трудолюбие, заложенное внутри, оно просто в глазах светится. Да и хорошее оборудование располагает к тому, чтобы работать хорошо. Все понятно, все просто, все ясно. Нужно просто набраться терпения и аккуратно все сделать.

— Есть что-нибудь в вашей жизни, что вы ощущаете как некое пора-

жение своего рода: что-то вас заставило отступить?

— Есть. Физическая немощь.

— Каждый человек видит себя в своих мыслях немножко не так, каким он себя видит в зеркале. Какой вы себя видите, как бы вы хотели одеваться в своих мечтах? Или у вас полное соответствие вашего внешнего и внутреннего видения себя?

— У меня покой. Я пережила много разных историй в связи с изменениями форм на протяжении последнего десятилетия — толстела, худела... Когда ты «в теле» — задеваешь и ударяешься обо все углы, а худея, вдруг осознаешь, что совершенно изменилась, но это приходит не сразу. Потом, конечно, я очень мало уделяю себе внимания, я очень редко смотрю в зеркало. Я даже поймала себя на том, что я себе никогда в зеркале рожу не строила. Утром встала, перед зеркалом почистила зубы, причесалась. То есть зеркало — нужная вещь. Но я сижу к нему спиной. Да и в детстве-то я особо не крутилась. Я всю юность росла красавицей — меня так воспитывали. Предпосылки к этому не было, но меня выращивали так. Я чувствовала. Меня же вообще семья любит и любила всегда, я выросла ребенком в любви. Я настолько привыкла к этому, что у меня это вошло в сознание, и мне неважно, чем я сверху обросла, потому что ощущение внутри у меня совершенно нормальное.

— И этого ощущения вам хватило на всю оставшуюся жизнь?

— Почему на оставшуюся жизнь? Может быть, я еще изменюсь. Я вообще ни за что не могу в себе поручиться. Я могу, например, побрить голову — запросто. Но для этого мне нужно быть уверенной в том, что должна это сделать. Может быть, я бы поменялась в связи с какой-то целью. Меня хорошо знают, со мной смирились, мои друзья меня любят такой, какая я есть. Я бы попала туда, где у меня нет друзей. Мы же не знаем, что с нами будет на самом деле. Вот нет друзей. И я одна. И все меня видят такой, какая я есть в зеркале, и никто не знает, какая я есть внутри. И, может быть, мне бы пришлось измениться в зеркале для того, чтобы меня сначала полюбили так, а потом бы полюбили этак. Не знаю. Да и вообще, нужно ли, чтобы тебя полюбили? Или, может быть, ты можешь без этого обойтись. Потому что сегодня — одно, завтра — другое. Это — мода.

Беседовала Елена ВЕСЕЛАЯ

ДОСЬЕ «МН»

Татьяна ПАРФЕНОВА окончила отделение промышленной графики училища им. Серова в Ленинграде. В феврале 1995 года открыла свой Дом моды на Невском проспекте, который в 1996 году получил приз «Золотой бизнес» как самое успешное предприятие по итогам года. В том же году на конкурсе «Платье года» Парфенова получила главный приз «Золотая вешалка» — ее платье, состоящее из 74 деталей, приобрел отдел новейших течений Государственного русского музея. В 1999 году Модный Дом Татьяны Парфеновой принял участие в салоне *pret-a-porter* в Париже в секторе «La Boutique». На последней Неделе Высокой моды в Москве коллекция «Турмалин» (весна-лето 2000) получила приз «Золотой манекен».

6.2.2000 Парфенова Татьяна